

Конкурентная и промышленная политика

DOI: 10.38050/2078-3809-2021-13-2-7-25

**РЕАЛИСТИЧНОСТЬ МОДЕЛИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО
ВЫБОРА ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ: О НАКАЗАНИИ ЗА КАРТЕЛЬ***

Шаститко Андрей Евгеньевич
Доктор экономических наук, Профессор
МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет;
(г. Москва, Россия);

Дозмаров Кирилл Валерьевич
Адвокат, Партнер
Консалтинговая компания Kulik & Partners Law. Economics
(г. Москва, Россия)

Аннотация

Уголовное преследование за монополистическую деятельность в форме картелизации рынка – наиболее чувствительный инструмент для физических лиц, который может оказывать как серьезное сдерживающее влияние, так и ограничивать благотворное для общественного благосостояния поведение. В работе рассмотрены теоретико-экономические аспекты вопроса о выборе режима антимонопольного принуждения в связи обсуждением проектируемых изменений и применением норм ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, учитывающем возможные различия между организацией, заключением картельного соглашения и участия в нем. Показано, что существуют различные варианты соотношения между концепцией заключения и участия в соглашении, в том числе антиконкурентном. Однако для этого требуется применение реалистичных предпосылок относительно поведения индивидов. На основе используемых в экономической науке принципа методологического индивидуализма и концепции ограниченной рациональности продемонстрированы ограничения на проецирование соотношения заключения и участия в соглашении для юридических лиц (хозяйствующих субъектов) на действия физических лиц. Практические вопросы проектирования уголовного наказания за картели рассмотрены с учетом различных правовых концепций, включая форму и виды вины, а также на основе сравнения с другими статьями Уголовного кодекса, предусматривающими наказание за коллективные противоправные действия. В связи с проблемой воспроизводства негостеприимной традиции в российском антитрасте выявлены риски объективного вменения (риски ошибок I рода) и недостаточного наказания организатора картеля (риски ошибок II рода) в случае недооценки значения экономических

* Перевод статьи: Shastitko A., Dozmarov K. (2020). Law and economics vs. formal legal approach in criminal prosecution of the cartel // BRICS Journal of Economics, 1 (3), 23–38. <https://doi.org/10.38050/2712-7508-2020-13> (с изменениями и дополнениями).

Шаститко А.Е., e-mail: aes@ranepa.ru

Дозмаров К.В., e-mail: k.dozmarov@kple.ru

концепций, основанных на принципе методологического индивидуализма и предпосылке об ограниченной рациональности индивидов.

Ключевые слова: картель, заключение соглашения, участие в соглашении, объективное вменение, методологический индивидуализм, ограниченная рациональность, формы вины, прямой умысел.

JEL коды: K21, K42.

Для цитирования: Шаститко А.Е., Дозмаров К.В. Реалистичность модели индивидуального выбора имеет значение: о наказании за картель // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2021. Том 13. Выпуск 2. С. 7-25. DOI: 10.38050/2078-3809-2021-13-2-7-25

Введение

Направления современных экономических исследований, формирующих исследовательское ядро дисциплинарной области, в своей основе являются теорией индивидуального выбора (не путать с методологическим индивидуализмом). Однако в зависимости от подхода к моделированию индивидуального выбора можно обнаружить различную «разрешающую способность» в части разграничения важных с точки зрения вопросов нормотворчества и правоприменения аспектов поведения. В этом контексте существенным представляется вопрос о соотношении реалистичности принимаемых предпосылок и объясняющей, предсказательной силы построенных на основе этих предпосылок моделей. Напомним, что, согласно одному из фундаментальных принципов позитивных экономических исследований, сформулированных Милтоном Фридменом около семидесяти лет назад (Friedman, 1966), объяснение многого малым возможно, пусть даже ценой утраты реалистичности применяемых предпосылок.

В экономическом анализе права вопрос об используемых предпосылках и их реалистичности является ключевым. Экономическая оценка системы наказания за нарушения закона основана на модели решения о совершении противоправных действий, предложенной Гэри Беккером (Becker, 1968). Но ее предсказания базируются на предпосылке полной рациональности. Ослабление этой предпосылки ставит принципиальный вопрос: на чем основаны ожидания влияния на поведение людей запретов и санкций за их нарушение?

Один из нетривиальных практических примеров, сквозь призму которого можно увидеть разные подходы к моделированию поведения, – дискуссия о модели применения уголовных санкций в контексте противодействия картелям. Именно этот вопрос стал одним из наиболее актуальных и заметных в публичных дискуссиях, касающихся изменений российского антимонопольного законодательства.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы в контексте междисциплинарного дискурса, прежде всего экономической науки и права, показать преимущества подхода к моделированию индивидуального поведения, которое соответствует принципам методологического индивидуализма и основано на предпосылке ограниченной рациональности лиц, при-

нимающих решения, что совместимо с идеей функциональной рациональности (в отличие от инструментальной) и принципом реалистичности модели (даже в ущерб ее строгости). Решение этой задачи в свою очередь позволит со стороны экономической теории увидеть методологические корни феномена объективного вменения в совершенном преступлении группой лиц, а также разграничить организацию, заключение картеля и участие в нем.

В первом разделе представлено подробное описание проблемы с учетом предложений антимонопольного органа об изменении норм ст. 178 УК РФ. Во втором раскрыты изъяны в концепции ответственности за участие в картельном соглашении без его заключения через призму концепций методологического индивидуализма и ограниченной рациональности. В третьем обсуждается обратная ситуация – организация картеля без участия в нем и связанный с этим вопрос об ошибках I и II рода. В заключении сформулированы основные выводы и направления дальнейших исследований.

Работа является продолжением исследования проблемы проектирования норм об уголовном наказании за картель физических лиц, представленной в (Авдашева, Шаститко, 2010; Шаститко, 2020). Как известно, в общественных науках всегда существовала проблема междисциплинарного барьера, в том числе по причине специфических концепций, используемых исследователями. В рамках настоящей статьи предпринята попытка преодоления указанного барьера. Вот почему наряду с привычными для экономистов концепциями методологического индивидуализма, ограниченной рациональности, картеля, контракта будут применены концепции прямого умысла, вины, небрежности, которые хотя и нашли в известной степени отражение в экономическом анализе права, тем не менее пока не применялись для экономического исследования прикладных вопросов антитраста в контексте определения оснований для применения в отношении физических лиц уголовных санкций за картель.

1. Описание проблемы

На сегодня одним из наиболее значимых и острых вопросов в реформе антимонопольного законодательства является внесение поправок в ст. 178 УК РФ. Одна из возможных новелл – конкретизация формулировки статьи в части распространения наказания как на тех, кто заключил картельное соглашение, так и на тех, кто в нем участвует: *«Заключение картеля, запрещенного антимонопольным законодательством Российской Федерации, а равно участие в нем, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекло извлечение дохода в крупном размере»*.

Далее мы покажем, что в зависимости от принятых поведенческих предпосылок (явных или имплицитных) в зависимости от информированности действующих лиц отношение к такого рода предложениям будет различным. Но прежде всего возникают вопросы, чем участие в картеле отличается от его заключения и какие стандарты доказывания должны быть соблюдены, чтобы проверить гипотезу об участии или неучастии в картеле конкретных физических лиц. Речь идет об уголовном преследовании именно физических лиц, поскольку мы рассматриваем поставленный вопрос на примере юрисдикции, где уголовные санкции в отношении юридических лиц не предусмотрены. А на фоне поставленных вопросов, где-то за кадром – еще один: какая разница, заключал ли субъект соглашение или участвовал в нем или и то, и другое, а также каким образом наличие или отсутствие этой разницы сопрягается с правовой доктриной, лежащей в основе уголовного наказания за правонарушения.

Казалось бы, в чем сложность? Какая разница, заключал ли субъект картельное соглашение или только участвовал в нем? Если картельное соглашение – это совокупность незаконных правил, подкрепленных механизмами, обеспечивающими их соблюдение, то за таким соглашением должны стоять и действия, которые могут быть истолкованы как участие в картельном соглашении. Отметим, что хотя картели (за исключением экспортных), как правило, запрещены согласно букве закона и не требуют анализа эффектов, как в случае с правилом взвешенного подхода, тем не менее они могут и должны быть объектом экономических исследований, в числе которых применение экономической теории контрактов (Шаститко, 2013). Исследование богатого мира картельных соглашений указывает не только на то, в чем, собственно, они состоят, но также на то, кто их заключал, как выстроены договоренности по обеспечению работоспособности подобного соглашения, какие санкции могут быть применены к нарушению условий картельного соглашения.

Если рассматривать взаимодействие хозяйствующих субъектов, на которых распространяются нормы ст. 14.32 КоАП, устанавливающей наказание за нарушение закона «О защите конкуренции» в части запрета на антиконкурентные соглашения, сложностей не должно возникнуть. Есть должностные лица, уполномоченные принимать решения, рассматриваемые в качестве источников действий всей компании (всего хозяйствующего субъекта) на рынке.

Однако для распространения той же логики на физических лиц нет достаточных оснований. Дивергенция двух логик основана на том, что отождествление, или синонимизация, экономической фирмы (хозяйствующего субъекта, если применять термины из российского антимонопольного законодательства) с физическим лицом возможна в случае с классической (индивидуальной) фирмой, в которой функции собственника, топ-менеджера и предпринимателя сконцентрированы в одном лице. Разумеется, в современных экономиках такое встречается, причем и для достаточно крупных компаний. Однако возможность найти такого рода примеры не отменяет главного: современные крупные корпорации построены на принципе распределения функций и полномочий, связанных с взаимодействием с внешним миром, в нашем случае – с конкурентами¹. Фундаментальный вопрос здесь: как такое распределение может быть совмещено с принципом уголовной ответственности конкретных физических лиц за картель.

Для начала опишем варианты ситуации через призму соотношения заключения соглашения vs. участие в соглашении (рис. 1). Отметим сразу, что множество возможных ситуаций шире, если учитывать также соотношение между организацией картеля и заключением соглашения (более подробно в следующем разделе).

		Участие в соглашении	
		Да	Нет
Заключение соглашения	Да	1	2
	Нет	3	4

Рисунок. 1. Варианты причастности к антиконкурентному соглашению

¹ Авторы осознают, что особенностью российского корпоративного управления по сей день является активное участие в повседневной хозяйственной деятельности акционеров, сконцентрировавших в своих руках пакет акций, который достаточен для обеспечения контроля над компаниями.

Две симметричные ситуации, в которых все довольно просто, – ситуации 1-я и 4-я. В первом случае сторона заключает соглашение и участвует в нем. Это привычная ситуация с заключением подавляющего большинства договоров, причем независимо от того, соответствуют ли эти договоры законодательству или нет. Второй случай еще проще: нет ни соглашения, ни участия в нем. Понятно, что сам по себе факт наличия или отсутствия соглашения часто приходится доказывать, особенно принимая во внимание формулировки ст. 4-й Закона о защите конкуренции, определяющей, что такое соглашения в целях применения норм антимонопольного законодательства.

Напомним, что в соответствии с пунктом 18-й указанной статьи соглашение – это договоренность в письменной форме, содержащаяся в документе или нескольких документах, а также договоренность в устной форме. Как видим, одно соглашение вполне может состоять из ряда документов, между которыми должна быть установленная определенная связь, а также (возможно) сопряженных с указанными документами устных договоренностей. Далее мы не будем специально рассматривать вопрос о том, как доказывать факт наличия или отсутствия соглашения, но примем во внимание, что эта информация, тем более если речь идет о противозаконном соглашении, может быть недоступна не только регулятору, но и множеству физических лиц, которые работают в компаниях – участниках картеля. Вряд ли противозаконная деятельность возможна в ситуации, когда о ней известно всем сотрудникам крупной компании.

Если было заключено соглашение, из этого не следует, что оно в принципе выполняется или выполняется всеми заключившими его лицами. Это ситуация 2-я, которая может служить основанием для постановки вопроса о работоспособности заключенного соглашения, а также различной степени вины (например, для тех, кто заключил соглашение, не участвовал в нем, но и не сообщил регулятору о факте заключения и связанных с выполнением условий соглашения другими лицами). Этот аспект затронут, в частности, в (Шаститко, 2013).

Для предметного обсуждения поставленной проблемы стоит также учесть концептуальные различия между картелем как разновидностью нелегального соглашения (разрешенные экспортные картели не рассматриваются) и согласованными действиями, которые запрещены нормами ст. 11.1 Закона о защите конкуренции, а в экономической науке известны также как молчаливый, или неявный, сговор (*implicit collusion*). Хотя молчаливый сговор и может вести к последствиям, которые аналогичны последствиям функционирования картеля (более высокие цены, меньшие объемы сделок в натуральном выражении по сравнению с условиями конкуренции, перераспределение выигрыша потребителя в пользу субъектов монополистической деятельности, снижение эффективности как статической, так и динамической), тем не менее механизм достижения этого результата таков, что его крайне сложно верифицировать при условии соблюдения строгих стандартов доказательства и действенной презумпции невиновности (Авдашева, Шаститко, 2010).

Следовательно, если не проверять гипотезы, объясняющие полученные результаты, но не основанные на предположении об антиконкурентном поведении, последовательно отказываясь от них на основе эмпирической проверки, то велик риск ошибки I рода – получения вывода о нарушении антимонопольного законодательства. О проблемах ошибок в правоприменении, в том числе в связи с применением норм антимонопольного законодательства, см. в (Шаститко, 2011). Необходимо учитывать, что издержки административного, а тем более

уголовного преследования очень высоки: они включают риск ошибочных обвинений как добросовестной бизнес-практики, так и самих добросовестных предпринимателей. Юридическая система, ошибающаяся даже в нескольких процентах случаев, с высокой вероятностью осудит именно добросовестных предпринимателей. Например, если достоверно известно, что на рынке существуют 5% картелей, ограничивающих конкуренцию на множества соглашений между участниками рынка, а юридическая система ошибается в 10% случаев (ошибок I и II рода), будет обвинено и осуждено вдвое больше невиновных людей, чем преступников (Easterbrook, 1984).

Институциональная технология правоприменения вполне может способствовать воспроизводству такого рода ошибок. Антимонопольный орган анализирует тот или иной деловой метод компании, о бизнесе которой он знает. Причем применяемые оценки несут следы «негостеприимной традиции», основанной на неправильной интерпретации бизнес-практики. Затем дело передается в суд, который разбирается в бизнес-моделях еще более поверхностно и в условиях отсутствия экспертной поддержки со стороны квалифицированных независимых экспертов-экономистов с еще более высокой вероятностью принимает ошибочное решение. С передачей дела в следственные органы (если есть признаки преступления и наряду с арбитражными инициируются процедуры уголовного процесса) связь с экономической подоплекой конкретной предпринимательской активности, а также принятых конкретными предпринимателями решений становится еще более призрачной (Авдашева, Макаров, 2017).

В фокусе внимания следователей оказываются некие юридические факты, закрепленные в правовых актах антимонопольного органа и судов, однако лишённые индивидуализирующих конкретное правонарушение особенностей: состояния рынка, обычаев делового оборота, используемых конкретной фирмой, личностных характеристик топ-менеджмента. Таким образом, получая набор уже установленных до него антимонопольным органом и судом фактов, следователь идет по самому простому пути: он просто соглашается с уже сделанными до него выводами и переносит обвинение с юридического лица (компании) на лицо физическое – конкретного топ-менеджера или сотрудника или на них обоих.

Такой механизм фактически указывает на то, как работает объективное вменение. В определенной мере это может быть описано ситуацией 3 из рис. 1, когда нет прямых свидетельств заключенного соглашения (по признакам из п. 18 ст. 4 Закона о защите конкуренции), но тем не менее компании, действующие на рынке, считаются участвующими в соглашении (потому и молчаливый сговор). При этом следует учитывать, что ст. 5 УК РФ прямо запрещает объективное вменение, т.е. применение уголовной ответственности за невиновное деяние.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и акцентировать внимание читателя на том, что объективное вменение – это не применение уголовных санкций за совершенные по неосторожности действия, причинившие вред. Убийство по неосторожности – это тоже убийство, хотя и наказываемое более мягко, чем убийство умышленное. Ниже будет более подробно освещен вопрос о формах вины.

Далее мы покажем, как проявляется объективное вменение на примере борьбы с картелями в свете обсуждения предложенных поправок в ст. 178 УК, и предложим его экономическую интерпретацию.

Вместе с тем рассматриваемая в статье проблема предполагает, что у нас нет необходимости отвечать на вопрос, было заключено соглашение или нет, и в этом отличие от

рассмотренного случая с согласованными действиями. В целях упрощения и фокусировки на поставленной проблеме мы предполагаем, что соглашение было. Более того, мы предположим, что у нас нет необходимости доказывать, является ли это соглашение противоправным, исходя из того, что соглашение является противоправным, а действия компаний-участников противоправного соглашения причинили ущерб. Соответственно, нас интересует вопрос, который соответствует ситуации 3 на рис. 1: участие в соглашении без его заключения.

2. Методологический индивидуализм и ограниченная рациональность: что не так в концепции ответственности за участие в соглашении без его заключения?

Картель – всегда результат коллективных действий. Однако, как правило, это результат не только коллективных действий на рынке, но и на уровне отдельных компаний (хозяйствующих субъектов). Чем крупнее компании, действующие на рынке, чем сложнее механизмы их взаимодействия, тем выше вероятность обнаружить вовлеченность в процесс подготовки и принятия противоправных решений и незаконных действий большого количества людей. Это означает, что в рамках одной компании действия множества лиц, которые при желании причинно увязываемы с действиями компании на рынке, могут быть истолкованы если и не как заключение картельного соглашения, то как участие в картеле. Именно в этом пункте, на наш взгляд, содержится основной риск предлагаемой формулы, предусматривающей наказание за некое абстрактное «участие» в картеле без обсуждения и исследования момента вхождения в картель через инициацию его создания и организации или через присоединение к уже заключенному антиконкурентному соглашению. Разумеется, констатация наличия такого рода рисков не является достаточным основанием отвергнуть саму идею и уж тем более отказаться от обсуждения предложения.

Для дальнейшего обсуждения нам важны два тезиса.

1. *Методологический индивидуализм.* С позиции ряда экономических теорий, в том числе с позиции новой институциональной экономической теории, австрийской школы, для объяснения любых общественных явлений действует исследовательский принцип «только люди принимают решения». Следовательно, между анализом поведения фирмы (такое инструментально вполне допускается) и анализом поведения отдельных лиц, в том числе работающих в той или иной фирме, нет и не может быть тождества. Это означает, что логику взаимодействия между компаниями в контексте применения антимонопольного законодательства нельзя без оговорок проецировать на исследование взаимодействия физических лиц в рамках разных компаний, а также в рамках одной и той же компании.

Базовый принцип презумпции невиновности гласит, что любое лицо может подлежать уголовной ответственности только за те преступления и их последствия, в отношении которых установлена вина этого лица. И здесь возникает еще ряд вопросов: а какая форма вины для уголовно наказуемого картеля? Уголовное право знает две формы вины: умысел и неосторожность, которые подразделяются на множество видов. В случае с картелем общее для обоих видов умысла, прямого и косвенного, понимание лицом опасности антиконкурентного соглашения и предвидение общественно опасных последствий. Напротив, все виды неосторожности (легкомыслие и небрежность) характеризуются отсутствием у участника картеля понимания реальной опасности деяния и предвидения общественно опасных последствий.

Для юридического лица (для упрощения используется как взаимозаменяемое с понятием хозяйствующего субъекта) не требуется доказывания психологического и интеллектуального отношения к совершаемым действиям. Формула вины для юридического лица выглядит следующим образом: юридическое лицо не предприняло всех от него зависящих мер для предотвращения правонарушения. Все предельно объективно и без психологической составляющей. Для физического же лица оценка его отношения к содеянному жизненно необходима для оценки его деяния, так как без вины не может быть наказания (Шаргородский, 2003). Форма вины дает возможность отделить преступление от непроступного деяния, а содержание вины позволяет отделить друг от друга сходные по объективным признакам составы преступлений. Примером такого разграничения может служить отделение уголовно наказуемого картеля (ст. 178) от мошенничества (ст. 159) и организации преступного сообщества (ст. 210).

2. *Ограниченная рациональность человека.* Несмотря на все стремления человека максимизировать его собственную выгоду, он сталкивается с тем, что даже информация, которая ему доступна, может быть неверно истолкована или вовсе проигнорирована, если, например, она не проходит так называемый прагматический фильтр (Кобринский и др., 1982). Например, когда человек знает об определенных фактах в бизнесе и деловом обороте, но не проецирует их на условия максимизации своего выигрыша и потому оставляет без внимания. Или знает о неких правовых запретах, но неверно их интерпретирует или просто не понимает и не проецирует на себя в принципе.

Как доказывать умысел и выгоду отдельных работников компании, которые, не занимая руководящих (или даже высших руководящих) постов, вместе с тем были причастны к разработке решений и осуществлению действий, квалифицируемых как заключение и участие в картеле компании в целом? Какая форма вины учитывается для уголовно наказуемого картеля?

Кто в таком случае оказывается в группе риска? Только высшие должностные лица компании? Каковы стандарты доказательства умысла и может ли быть неосторожный картель? А оценки извлекаемого от выполнения служебных обязанностей дохода, которые, как потом может оказаться, имеют отношение к незаконно полученному компанией доходу и вместе с тем встроены в систему ключевых показателей эффективности сотрудников? Как и когда проверять, являются ли те самые ключевые показатели эффективности, на которые ориентируется работник компании в своей повседневной деятельности, проконкурентными и в случае чего – гарантией, что к нему конкретно вопросов у следователей не возникнет? Кто и как докажет, знал ли конкретный сотрудник о природе тех решений и действий, которые совершались в компании и компанией на рынке? И должен ли он был знать о таких действиях? И если да, то как их интерпретировал? В конечном счете, меняет ли что-то фактически (а не *de jure*) в части презумпции невиновности отдельного физического лица результат расследования в отношении компании, которая была признана виновной в нарушении антимонопольного законодательства? Существуют ли стандарты доказательства, которые, с одной стороны, выполнимы с разумными издержками, а с другой позволяют обеспечить адресность наказания?

Такой набор вопросов не случаен. Действительно ли мы исходим из того, что квалифицировать действия как картель ничего не стоит? Описания отдельных примеров (Шаститко, Голованова, 2014; Shastitko, Ménard, 2017), а также проблемы негостеприимной традиции в антитрасте в целом (Павлова, Шаститко, 2014) дают основания для менее оптимистического

вывода: при противодействии картелям возможны ошибки I рода в части квалификации коммерческих практик.

Исходим ли мы из предположения, что работники компании могут в одинаковой мере быть информированы о контексте совершаемых действий с учетом одной из важнейших поведенческих предпосылок в современной экономической науке – ограниченной рациональности (Уильямсон, 1996. С. 689; Фуруботн, Рихтер, 2005. С. 264)? Как определить, что именно они знали и что должны были знать в силу выполнения своих должностных обязанностей? Могут ли способствовать разработка и применение корпоративной политики по соблюдению требований антимонопольного законодательства (антимонопольный комплаенс) прояснению вопроса о будущей (вероятной) ответственности должностных лиц компании? Как повлияет расстановка презумпций на настройку стимулов должностных лиц компаний и, соответственно, на оценку премии за антимонопольные риски, которая может стать основанием для корректировки компенсационного пакета сотрудников?

Следует сказать, что проблематика индивидуализации наказания за корпоративные правонарушения – это не только прерогатива антитраста. Все аспекты хозяйственной деятельности корпорации могут в тот или иной момент столкнуться с правонарушениями, за каждым из которых стоят конкретные индивиды. Люди принимают решения и люди их исполняют. И здесь нужно понимать, что некоторые крупные корпорации зачастую эффективнее государства, поскольку могут с помощью собственных служб безопасности справляться с фактами противоправного поведения сотрудников, в том числе с помощью дисциплинарных взысканий, которые применяются только после выяснения всех подробностей и обстоятельств допущенного правонарушения (Fisse, 1995).

В качестве иллюстраций проведем несколько аналогий с другими составами правонарушений, за которые, как и за картель, предусмотрено уголовное наказание.

Ст. 210 УК РФ предусматривает наказание за создание *преступной организации*, а равно за участие в ней. При этом создание и участие разведены по разным частям ст. 210 УК РФ и наказываются по-разному. Кроме того, существует даже отдельное Постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 июня 2010 года № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об *организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)*», в котором даны определения всех ключевых для ст. 210 УК РФ понятий. Аналогичным образом обстоят дела со ст. 282.2 УК РФ, предусматривающей ответственность за создание *экстремистской организации*, а равно за участие в ней. В этой статье также разведены по разным частям создание и участие и отдельно выделены вербовка и вовлечение. Существует Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», в котором представлены все дефиниции.

При оценке мер ответственности организатора картеля и его участника напрашивается еще одна аналогия: соотношение мер ответственности организаторов *террористического сообщества* (ст. 205.4 УК РФ) или *террористической организации* (ст. 205.5 УК РФ) и рядовых участников. Аналогия между картелем и террористической организацией гиперболизирована, однако очень наглядно демонстрирует диспропорцию в санкциях для организатора и для рядового члена: ответственность рядового члена может достигать двадцати лет лишения свободы, а организатора – пожизненного лишения свободы. Постановление Пленума Верховного

суда РФ от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» четко объясняет, что понимается под организацией, а что под участием в террористической организации.

Что же со ст. 178 УК РФ? Очевидно, что с формально юридической точки зрения картель – это точно такая же организация людей для достижения противоправных целей. Но об этом мы и правоприменители должны догадываться только смутно, ориентируясь на размытые положения закона «О защите конкуренции». Здесь необходимо сказать, что подобный подход в принципе недопустим в вопросах, касающихся криминализации тех или иных деяний. Учитывая серьезные последствия наказания в виде лишения свободы, уголовное наказание должно быть оправданным, а нормы права – предельно четкими (Whelan, 2014).

В этой связи подход к конструированию ст. 178 УК РФ должен быть аналогичным подходу, в рамках которого конструировались ст. 210, 282.2, 205.4 и 205.5 УК РФ. Устоявшееся в экономической науке представление о картеле основано на модели олигополистического рынка товара, на котором участники соглашения договариваются о квотировании производства (объемов реализации) и, соответственно, установлении (поддержании) цен в целях извлечения более высокой прибыли по сравнению с условиями конкуренции (например, по Бертрану). Эта специфика объясняет и особенности исследования картеля через призму неполных контрактов с соответствующими механизмами принуждения и адаптации к изменяющимся обстоятельствам (Шаститко, 2013). Вместе с тем она не дает прямого выхода на вопросы об отношениях внутри компании для установления вины того или иного соотрудника.

Необходимо отметить терминологическую неточность в новой редакции ст. 178 УК РФ. Очевидно, что невозможно участвовать в соглашении, не подтвердив волевого решения присоединиться к нему, т.е. заключить картельное соглашение с уже вступившими в картель участниками. Для чего тогда законодателем потребовалось давать в диспозиции² ст. 178 УК РФ два альтернативных преступных действия: заключение или участие? При этом законодатель считает два этих действия равными по своей тяжести, как следствие, за каждое из них предусмотрена одна и та же мера ответственности. Заключение картеля предполагает любые действия, которые могут выражаться в форме ведения переговоров об условиях существования картеля, сферах его деятельности, роли его участников, распределении квот и разрешении спорных вопросов. Результатом этих действий становится образование картеля в целях ограничения конкуренции и извлечения преступного дохода.

Участие в картеле – это активные действия, направленные на реализацию принятых на себя обязательств в рамках картельного соглашения. Следовательно, эти два действия должны быть в диспозиции ст. 178 УК РФ неразрывно связаны, а не разорваны. При этом нерешенным остается вопрос об организации и создании картеля (Шишко, Деревягина, 2017), так как терминологически понятия «заключение» картеля и «организация/создание» картеля не равны. Организатор картеля – это лицо, которое, как и в примерах со ст. 210, 282.2, 205.4 и 205.5 УК РФ, является инициатором создания картеля и берет на себя руководство и принятие решений, связанных с планированием, материальным обеспечением, организацией преступной деятельности, а также с функционированием картеля как единой организации и распределением ролей

² Здесь и далее под диспозицией понимается структурная часть правовой нормы (наряду с гипотезой и санкцией), заключающая само правило поведения, которому должны или могут следовать участники правовых отношений. Диспозиция выступает основной регулирующей частью правовой нормы. Диспозиции норм УК РФ содержат признаки запрещенных деяний, проще говоря, описывают, что делать нельзя (Илалутдинов, 2012).

между членами картеля (Семенихин, 2018). Почему это важно понимать для правильной квалификации действий того или иного участника картеля? Потому что именно организатор картеля является средоточием и точкой сборки картеля, именно организатор из всех других участников картеля наиболее рационален в своем выборе преступного поведения и наименее ограничен временем, ресурсами, своими когнитивными способностями при осознании и воплощении преступного умысла на создание картеля, а также вовлечении в него других участников. В связи с этим ответственность за заключение и участие в картеле и организацию и создание картеля должна быть различная, а наказание для организатора должно быть выше, чем для обычного участника, тем более подобное разграничение важно в том случае, если такой участник присоединился к уже существующему и функционирующему картелю и воспринял уже существующую реальность на рынке. Что же касается презумпции невиновности и объективного вменения, то здесь все еще более неоднозначно.

Что означает объективное вменение и чем оно отличается от субъективного вменения? Принцип субъективного вменения предполагает, что повлечь уголовную ответственность могут лишь те обстоятельства преступления, в которых лицо, его совершившее, отдавало себе отчет. Степень осознанности выражается в формах вины. Для объективного вменения осознанность деяния преступником не имеет значения. Лучшим образом принцип объективного вменения выражается в пословице «Незнание закона не освобождает от ответственности». Это справедливо, если законы в государстве понятны даже детям. Но каким образом отдавать отчет в собственных деяниях может, например, менеджер тендерного отдела, никогда не видевший ни одного нормативного акта в сфере антитабачного регулирования и занимающийся ценовыми предложениями в аукционах, получая указания от руководителя тендерного отдела, и руководствующийся инструкцией заместителя генерального директора под названием «Об ограничении конкуренции на торгах...»?

Подавляющее большинство правоприменителей сходятся во мнении, что картель, как и преступное сообщество, можно создать только с прямым умыслом, но никак не по неосторожности (Виденькина, 2014). Фактически такая позиция базируется на простой предпосылке: квалифицировать то или иное соглашение как картельное, если о нем известно, не представляет труда любому желающему. Вполне может возникнуть ситуация, когда некая новая высокодоходная бизнес-практика ряда компаний-конкурентов, возникшая из разработанной совместной стратегии развития, но без учета всех рисков и правовых аспектов, с течением времени осознается как незаконная, участники картеля сами понимают, что их действия незаконны, и тогда уже становятся осознанными (умышленными) участниками картеля. Так наглядно волевой аспект вины из небрежности (лицо имело все возможности предвидеть негативные последствия своего поведения, но не сделало этого) перетекает в прямой умысел (лицо отдавало себе отчет в том, что его действия незаконны, а также желало наступления от него негативных последствий для общества).

Но какой же прямой умысел на совершение преступления может быть у уже упомянутого выше менеджера тендерного отдела? Он никогда не общался с менеджерами конкурирующих компаний и никогда не обсуждал с ними ограничение конкуренции в ходе торговых процедур. Какой доход он хочет извлечь? Вместе с тем, если развернуть ситуацию на 180 градусов, можно представить себе ситуацию, при которой именно базовыми менеджерами тендерных отделов конкурирующих компаний создан картель по «отыгрышу» тендеров, при этом вышестоящее руководство остается в полном неведении об активности своих сотрудников.

Прямой умысел менеджеров налицо, но как при этом квалифицировать действия, например, генеральных директоров компаний-конкурентов? Могли ли они знать о незаконной активности своих менеджеров или предвидеть ее? Зависит ли, например, ответ от устройства ключевых показателей эффективности менеджеров, и если да, то существуют ли основания для разделения ответственности между теми, кто установил такие показатели, и действиями упомянутых менеджеров? Отчасти ответ на этот вопрос может дать ныне активно обсуждаемая и внедряемая система антимонопольного комплаенса – набор внутренних локальных актов в компании, которые регламентируют порядок принятия решений и осуществления рабочего функционала в разрезе риск-ориентированного подхода, т.е. знания, понимания и учета рисков в области антитраста. Четко работающая комплаенс-система не дает возможности менеджеру тендерного отдела сослаться на незнание антимонопольных требований, но при условии, что он проходил у комплаенс-менеджера компании инструктаж, обучение и расписывался в ведомости о том, что осведомлен о содержании комплаенс-политик и пр. (Luz, Spagnolo, 2017). Однако, что делать, если комплаенс-система дает сбой? Или, например, что делать, если комплаенс-система сработала только постфактум и выявила картель на уровне рядовых менеджеров, когда они уже реализовали преступный умысел и извлеченный совокупный доход превысил пороговые значения для применения ст. 178 УК РФ? Очевидно, что генеральный директор компании, выявившей картель, просто обязан подать заявление в антимонопольные и правоохранительные органы о состоявшемся факте картелизации, так как только таким образом компания сможет избежать штрафных санкций за действия ее менеджера, а генеральный директор и другие топ-менеджеры подозрения в соучастии. В любом случае ответ на вопрос «кто виноват» будет зависеть от степени и формы вины конкретных персоналий независимо от их должности в компании. Разумеется, этот вопрос тесно связан с другим – есть ли основания делать скидки компаниям, нарушившим антимонопольное законодательство, но вместе с тем применяющим корпоративные комплаенс-системы (Шаститко, 2016). Как показывают исследования, есть аргументы как за, так и против, что предъявляет повышенные требования к качеству проектирования таких систем.

3. Не был, не договаривался, не участвовал...

А можно ли организовать картель, вообще не будучи его участником в понимании ч. 1 ст. 11 закона «О защите конкуренции»? Оказывается, и такое возможно. Это случается, когда антимонопольный орган в рамках дела не может установить организатора картеля (формально скрытый организатор, о котором на самом деле все известно, но оснований для привлечения по ст. 178 УК недостаточно). Его будто бы нет. Вместе с тем существует ряд дел, где обвинение участников картеля – дистрибьюторов в сговоре по ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции соседствует с обвинением по ч. 5 ст. 11 того же закона компании-вендора, который, координируя дистрибьюторов, в действительности и является субъектом, воплощающим преступный умысел на создание картеля.

Реальный организатор картеля как бы выпадает из поля зрения антимонопольного органа. Непосредственным исполнителем преступного замысла при этом он не является, но он именно организует всю систему противоправных отношений. Вендор в таком случае и есть лицо, обладающее всей полнотой информации о картеле, именно он принимает решение о его создании. И тут встает вопрос о вине дистрибьюторов: если они знали об умысле вендора – всё понятно, а если нет? А если не знали, то могли ли знать и предвидеть, что их действия

направляет воля вендора в русле ограничения конкуренции? И о каком вообще заключении картеля и участии в нем может идти речь, если заключение картеля и участие в нем – это именно осознанное волевое действие участников картеля на ограничение конкуренции и извлечение монопольной прибыли?

Интересным примером в антимонопольной правоприменительной практике является дело Apple и крупнейших в США издательств Penguin, Hachette, Harper Collins, Simon & Schuster и Macmillan. Так, коллегия Апелляционного суда Соединенных Штатов по второму округу в Нью-Йорке заявила, что условия, предложенные Apple пяти книжным издателям, позволили им участвовать в сговоре по установлению цен³. При этом исходная цель (возможно, просто декларативная) была благая. Так, в 2010 году Apple с сервисом iBookstore появилась на рынке электронных книг, где доминировали Amazon и ее сервис Kindle Reader. Издатели, разочарованные ценовой политикой Amazon, приветствовали нового ритейлера, его устройство iPad и его готовность позволить им устанавливать свои собственные цены в обмен на право Apple получать долю от каждой продажи. Не желая действовать в одиночку, чтобы поднять цены на электронные книги и вытеснить Amazon с рынка, компания Apple решила эту проблему путем организации координации книгоиздателей (под руководством Apple), чтобы заставить Amazon отказаться от про-потребительского ценообразования. В результате предложенная «агентская модель» сотрудничества привела к завышению цен на книги в сервисе iBookstore в общей сложности на два-три доллара. Сомнений нет, роль Apple очевидна. Однако понимали ли книгоиздатели в момент, когда соглашались на «агентскую модель» Apple, что их поведение может быть оценено как противоправное? И если нет – осознали ли они это потом?

Предположим, дистрибьюторы действительно не знают, что вендор манипулировал ими и они *de facto* участвуют в картеле. Как могут быть оценены действия вендора? Как координация, и наказываться только административным штрафом? А как быть с действительным умыслом на создание картеля? Получается, реальный организатор картеля может уйти от ответственности (ошибка II рода, обусловленная дефектом проектирования нормы). При этом исходя из текущей практики антимонопольных органов наказанию на основании косвенных улик подвергнутся сами дистрибьюторы, а материалы для уголовного преследования будут направлены в правоохранительные органы на их должностных лиц.

Объективное вменение в случае с картелями (Шаститко, Дозмаров, 2020) – это экстраполяция поведения фирм на поведение их сотрудников без оценки степени вины самих сотрудников, их осведомленности и осознанной вовлеченности в процесс картелизации. Шаблон обвинения в отношении юридического лица без каких-либо корректировок и детализации применяется к физическому лицу. Здесь принцип объективного вменения раскрывается следующим образом: человеческий фактор не учитывается ни с позиции, утверждающей, что только люди принимают решения, ни с позиции, согласно которой люди далеко не всегда оказываются достаточно сведущими, чтобы понять, что их действия образуют состав преступления. И несведущие менеджеры тендерного отдела, не осознающие умысла своего руководства, и такие же несведущие топ-менеджеры, не обладающие информацией о преступных действиях своих подчиненных, а равно топ-менеджмент дистрибьюторов, фактически не понимая, что

³ United States vs. Apple, Inc., no. 13–3741 (2d Cir. 2015). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca2/13-3741/13-3741-2015-06-30.html>.

ими манипулирует компания-вендор, – все эти лица наследуют обвинение в картеле от своих компаний из-за пробела в законодательстве и поверхностной работы как антимонопольных, так и правоохранительных органов.

Если нет четкого и обоснованного ответа на поставленные вопросы, то уголовно наказуемым должно быть создание картеля и участие в нем *исключительно с прямым умыслом*, и в зоне риска должны оставаться только те стейкхолдеры компании, кто имел *прямое и непосредственное* отношение либо к организации картеля, либо к заключению и участию в соглашении (но никак не просто участвовавшие в картеле), имел представление о смысле взятых компанией обязательств *в целом* и/или в *достаточной* мере, чтобы оценить их на предмет соответствия требованиям антимонопольного законодательства, кто также не только понимал общественную опасность совершаемых деяний, но и предвидел и желал наступление негативных для общества последствий. Необходимо отдельно учесть, что по аналогии со ст. 35 УК РФ лицо, создавшее картель и руководившее им, должно нести уголовную ответственность по ст. 178 УК РФ за указанные в ней деяния как за свои действия, так и за все совершенные другими соучастниками картеля преступления, даже если организатор непосредственно не участвовал в совершении конкретных преступлений другими участниками картеля, но они охватывались его умыслом.

Выводы

Необходимость представления доказательств в уголовном процессе для устранения всех сомнений в виновности обвиняемого («презумпция невиновности») придает больший вес судебной ошибке в обвинительном приговоре суда, чем в оправдательном, так как одно неверное обвинение образует социальные издержки, сопоставимые с издержками нескольких ошибочных оправданий по аналогичным преступлениям. Так, в частности, нечеткие и двояко толкуемые нормы уголовного права формируют издержки отказа от их нарушения самими преступниками, так и издержки ошибочных вердиктов судов и правоохранительных органов. Поэтому целью четкого формулирования норм права является значительное снижение издержек получения информации о возможной ответственности перед законом, а также о четком различии между законным поведением и противозаконным. Высокие издержки получения такой информации требуют четкого и непротиворечивого понимания как у преступника, так и у правоприменителя, что же является преступным деянием. Отсутствие этого понимания делает невозможным вынесение обвинительного приговора в рамках уголовного преследования (Познер, 2004).

Подытоживая вышеизложенное, необходимо отметить, что ответ на вопрос об уголовном преследовании физического лица только за участие в картеле в отличие от заключения и участия в картельном соглашении не является самоочевидным. Различие между заключением и участием в картеле существует так же, как между заключением и участием в любом другом соглашении (договоре). Нельзя переносить выводы об участии в картеле без заключения соглашения применительно к компании в целом (когда часть компаний действуют в соответствии с соглашением, а другие на том же рынке – фактически как последователи) на действия физических лиц, являющихся в том числе должностными лицами компаний (и/или их акционерами), поскольку работники компании-картелиста информированы о ее действиях в неодинаковой степени, и применение уголовного преследования зависит от соотношения между

установленными фактами (ставшими основанием для признания соглашения картелем) и доступной отдельному сотруднику информацией, которой может оказаться недостаточно, чтобы оценить суть действий компании на рынке. Учитывая, что техника получения доказательств о степени информированности конкретного сотрудника не дает надежных результатов и способствует практике объективного вменения, нельзя забывать о презумпции невиновности, применение которой предполагает возложение бремени доказательства на правоприменителя, который обязан толковать все сомнения в виновности обвиняемого в его пользу.

С другой стороны, содержательное наполнение понятия участия в картеле должно отвечать на вопрос о том, как сдерживать инициаторов, организаторов картеля, не являющихся участниками соответствующего рынка.

Проведенное исследование показывает, что представления о рациональности в явной форме или имплицитно влияют на то, как должен быть сформулирован предмет защиты в связи с санкциями за противоправное поведение. Этот тезис важен прежде всего для экономического анализа права. Тот факт, что неточности формулировки будут порождать правовые ошибки, снижающие положительный эффект применения запретов, дает возможность обсуждать поставленные вопросы гораздо шире, чем проблематика ст. 178 УК или даже уголовного законодательства в целом.

Список литературы

Авдашева С. Б., Макаров А. В. Оценка эффектов при запрете антиконкурентных соглашений: решения арбитражных судов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 51–71.

Авдашева С., Шаститко А. Экономика уголовных санкций за нарушение антимонопольного законодательства // Вопросы экономики. 2010. № 1. С. 129–142.

Виденькина Ж. В. Ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем: Научно-практическое пособие. М.: Юриспруденция, 2014.

Илалутдинов А. И. Структура нормы права и первичные правовые средства: вопросы соотношения // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. Т. 6. № 1. С. 207–211.

Кобринский Н. Е., Майминас Е. З., Смирнов А. Д. Экономическая кибернетика. М.: Экономика, 1982.

Павлова Н. С., Шаститко А. Е. Эффекты «негостеприимной традиции» в антитрасте: деятельное раскаяние против соглашений о кооперации? // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 62–85.

Познер Р. А. Экономический анализ права: В 2 т. СПб.: Экономическая школа, 2004.

Семенихин В. В. Ответственность организаций и их руководителей: 5-е изд., перераб. и доп. М.: Гроссмедиа, Росбух, 2018.

Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат, 1996.

Фуруботн Э., Рихтер Р. Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории СПб: Изд. дом СПбГУ, 2005.

Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы общего учения о соучастии // Шаргородский М. Д. Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003. С. 253–256.

Шаститко А. Е. Картель: организация, стимулы, политика противодействия // Российский журнал менеджмента. 2013. Т. 11. № 4. С. 31–56.

Шаститко А. Е. Нужно ли в антитрасте правило «Минус одна восьмая за комплаенс»? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 1. С. 38–59.

Шаститко А. Е. Ошибки I и II рода в экономических обменах с участием третьей стороны-гаранта // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 10. С. 125–148.

Шаститко А. Е. Участие в картеле, заключение картеля – какая разница? // Актуальные вопросы конкурентного права: современные тенденции и перспективы развития / Отв. ред. М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2020. С. 141–148.

Шаститко А., Голованова С. Вопросы конкуренции в закупках капиталоемкой продукции крупным потребителем (уроки одного антимонопольного дела) // Экономическая политика. 2014. Т. 9. № 1. С. 67–89.

Шаститко А.Е., Дозмаров К.В. Уголовное право в антитрасте – хорошее место для встречи права и экономики // Закон. М.: Закон. № 9, 2020. С. 141-150.

Шишко И. В., Дервягина О. Е. Преступное ограничение конкуренции (часть 1 статьи 178 УК РФ): признаки объективной стороны // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3. С. 551–561.

Becker G. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. No 2. P. 169–217.

Easterbrook F. H. The Limits of Antitrust // Texas Law Review. 1984. Vol. 63. No 1. P. 1-40.

Fisse B. Corporations, Crime and Accountability // Current Issues in Criminal Justice. 1995. Vol. 6. No 3. P. 378–386.

Friedman M. The Methodology of Positive Economics // Friedman M. Essays in Positive Economics. Chicago: University of Chicago Press. 1966. P. 3–43.

Korobkin R. B., Ulen T. S. Law and Behavioral Science: Removing the Rationality Assumption from Law and Economics // California Law Review. 2000. Vol. 88. No 4. P. 1051–1144.

Luz R. D., Spagnolo G. Leniency, Collusion, Corruption, and Whistleblowing // Journal of Competition Law & Economics. 2017. Vol. 13. No 4. P. 729–766.

Shastitko A., Ménard C. Discrete Institutional Alternatives: Theoretical and Policy Issues (Celebrating the 80th Anniversary of Ronald Coase’s “Nature of the Firm”) // Russian Journal of Economics. 2017. Vol. 3. No 2. P. 200–220.

Whelan P. The Criminalization of European Cartel Enforcement: Theoretical, Legal, and Practical Challenges. Oxford: Oxford University Press, 2014.

REALISTICITY OF INDIVIDUAL CHOICE MODEL DOES MATTER: ON CARTEL PROSECUTION

Andrei Ye. Shastitko
Doctor of Economics, Professor
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics
(Moscow, Russia)

Kirill V. Dozmarov
Advocate
M.Econ. Kulik & Partners Law.Economics
(Moscow, Russia)

Abstract

Criminal prosecution of monopolistic activities in the form of market cartelization is the most sensitive tool for individuals, which can have both a serious deterrent effect and limit behavior that is beneficial to public welfare. This paper discusses the theoretical aspects of the issue of choosing a regime of antitrust enforcement in connection with the design of amendments and enforcement of the norms of Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account possible differences between the initialization, conclusion of a cartel agreement and participation in it. The article shows that there are various options for the relationship between the concept of conclusion and participation in the agreement, including anti-competitive one. However, this requires the application of realistic assumptions regarding the behavior of individuals. Practical issues of designing criminal penalties for cartels are considered taking into account various legal concepts, including the form and types of guilt, as well as on the basis of a comparison with other articles of the Criminal Code that punish collective unlawful acts. In connection with the problem of reproduction of an inhospitable tradition, the Russian antitrust identified the risks of imputed imputation (risks of I type errors) and insufficient punishment of the cartel organizer (risks of II type errors) in case of underestimating the importance of economic concepts based on the principle of methodological individualism and the assumption of bounded rationality of individuals.

Keywords: cartel, agreement conclusion, agreement participation, objective imputation, methodological individualism, bounded rationality, form of guilt, direct intent.

JEL: K21, K42.

For citation: Shastitko, A. Ye., Dozmarov, K. V. (2021), Realisticity of Individual Choice Model Does Matter: On Cartel Prosecution. Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal, vol. 13, no. 2, pp. 7-25. DOI: 10.38050/2078-3809-2021-13-2-7-25

References

Avdasheva S. B., Makarov A. V. Otsenka effektivov pri zaprete antikonkurentnykh soglashenij: resheniya arbitraznykh sudov [Evaluating the Effects of Banning Anti-Competitive Agreements: Decisions of Arbitration Courts]. Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya [Public Administration Issues], 2017, no. 3, pp. 51–71. (In Russian).

Avdasheva S., Shastitko A. Ekonomika ugolovnykh sankcij za narushenie antimonopol'nogo zakonodatel'stva [Economics of Criminal Sanctions for Violation of Antitrust Laws]. Voprosy ekonomiki, 2010, no. 1, pp. 129–142. (In Russian).

Viden'kina Z. V. Otvetstvennost za organizatsiyu prestupnogo soobshchestva ili uchastiye v nem: nauchno-prakticheskoye posobiye [Responsibility for Organizing or Participating in a Criminal Community: A Scientific and Practical Guide]. Moscow, 2014. (In Russian).

Ilalutdinov A. I. Struktura normy prava i pervichniye pravoviye sredstva: voprosy sootnosheniya [Structure of Law and Basic Legal Tools: Issues of Correlation]. Aktualniye problemy ekonomiki i prava [Actual Problems of Economics and Law], 2012, vol. 6, no. 1, pp. 207–211.

Kobrinsky N. Y., Mayminas Y. Z., Smirnov A. D. Ekonomicheskaya kibernetika [Economic Cybernetics]. Moscow, 1982. (In Russian).

Pavlova N. S., Shastitko A. Ye. Effekty “negostrpriimnoy traditsii” v antitaste: deyatel'noye raskayaniye protiv soglasheniy o kooperatsii [Effects of Hostile Tradition in Antitrust: Active Repentance versus Cooperation Agreements?]. Voprosy ekonomiki, 2014, no. 3, pp. 62–85. (In Russian).

Posner R. Ekonomicheskyy analys prava: V 2-kh tomakh [Economic analysis of law: in 2 vol.]. St. Petersburg, 2004. (In Russian).

Semenikhin V. V. Otvetstvennost organizatsiy i ikh rukovoditeley: 5-e izd., pererab. i dop. [Responsibility of Organizations and Their Leaders: 5-th edition revised and enlarged]. Moscow, 2018. (In Russian).

Williamson O. Ekonomicheskiye instituty kapitalisma. Firmy, rynki, “otnoshencheskaya” contractatsiya [Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, and “Relational” Contracting]. St. Petersburg, Lenizdat, 1996. (In Russian).

Furubotn E., Richter R. Instituty i ekonomicheskaya teoriya. Dostizheniya novoy institutsional'noy ekonomicheskoy teorii [Institutions and Economic Theory: The Contribution of the New Institutional Economics]. St. Petersburg, SpbGU Publisher House, 2005. (In Russian).

Shasrgorodsky M. D. Nekotoriye voprosy obshchego ucheniya o souchastii [Some Questions of the General Theory of Complicity]. In: Shasrgorodsky M. D. Izbranniye raboty po ugolovnomu pravu [Selected papers on criminal law]. St. Petersburg, 2003, pp. 253–256. (In Russian).

Shastitko A. Kartel': organizatsiya, stimuli, politika protivodeystviya [Cartel: Organization, Incentives and Deterrence Policy]. Rossiysky zhurnal menedzhmenta [Russian Journal of Management], 2013, vol. 11, no. 4, pp. 31–56. (In Russian).

Shastitko A. Ye. Nuzhno li v antitraste pravilo «minus odna vosmaya za kompliens»? [Does Antitrust Need the Rule “Minus One-Eighth Fines for Compliance”?]. Voprosy gosudarstvennogo i

municipal'nogo upravleniya [Issues of state and municipal administration], 2016, no. 1, pp. 38–59. (In Russian).

Shastitko A. Oshibki I i II roda v ekonomicheskikh obmenakh s uchastiyem tret'yey storony-garanta [Errors of I and II Types in Economic Exchanges with Third Party Enforcement]. Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association], 2011, no. 10, pp. 125–148. (In Russian).

Shastitko A. Uchastiye v kartele, zaklyucheniye kartelya – kakaya raznitsa? [Participation in a cartel, conclusion of a cartel – what's the difference?]. In: Egorova M. A. (ed.), Aktualniye voprosy konkurentnogo prava: soremennyje tendentsii i perspektivy rasvitija [Current Issues of Competition Law: Contemporary Trends and Development Prospects]. Moscow, 2020, pp. 141–148. (In Russian).

Shastitko A., Golovanova S. Voprosy konkurentsii v zakupkakh kapitaloempyo produktsii krupnym potrebitелеm (uroki odnogo antimonopol'nogo dela) [Competition Issues Regarding Procurement of Capital-Intensive Goods for a Large Buyer (Lessons Learned from One Antitrust Case)]. Ekonomicheskaya politika [Economic Policy], 2014, vol. 9, no. 1, pp. 67–89. (In Russian).

Shastitko A.E., Dozmarov K.V. Ugolovnoe pravo v antitraste – horoshee mesto dlya vstrechi prava i ekonomiki [Criminal law in antitrust is a good place to meet law and economics]. Zakon [Law]. M.: Zakon. № 9, pp. 141–150. (In Russian).

Shishko I. V., Derevyagina O. E. Prestupnoe ogranichenie konkurencii (chast' 1 stat'i 178 UK RF): priznaki ob"ektivnoj storony [Criminal Restriction of Competition (Part 1 of Article 178 of the Criminal Code): Signs of an Objective Side]. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [All-Russian criminological journal], 2017, vol. 11, no. 3, pp. 551–561. (In Russian).

Becker G. Crime and Punishment: An Economic Approach. Journal of Political Economy, 1968, vol. 76, no. 2, pp. 169–217.

Easterbrook F. H. The Limits of Antitrust. Texas Law Review, 1984, vol. 63, no. 1, pp. 1–40.

Fisse B. Corporations, Crime, and Accountability. Current Issues in Criminal Justice, 1995, vol. 6, no. 3, pp. 378–386.

Friedman M. The Methodology of Positive Economics. In: Friedman M. Essays in Positive Economics. Chicago, University of Chicago Press, 1966, pp. 3–43.

Korobkin R. B., Ulen T. S. Law and Behavioral Science: Removing the Rationality Assumption from Law and Economics. California Law Review, 2000, vol. 88, no. 4, pp. 1051–1144.

Luz R. D., Spagnolo G. Leniency, Collusion, Corruption, and Whistleblowing. Journal of Competition Law & Economics, 2017, vol. 13, no. 4, pp. 729–766.

Shastitko A., Ménard C. Discrete Institutional Alternatives: Theoretical and Policy Issues (Celebrating the 80th Anniversary of Ronald Coase's "Nature of the Firm"). Russian Journal of Economics, 2017, vol. 3, no. 2, pp. 200–220.

Whelan P. The Criminalization of European Cartel Enforcement: Theoretical, Legal, and Practical Challenges. Oxford, Oxford University Press, 2014.